

А. В. Мангилёва  
Екатеринбург

## ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ В 1894 г.

Практически общим местом в исторической литературе стало пренебрежительное отношение к церковно-приходским школам (ЦПШ). Уже современники критиковали их за низкий уровень обучения, недостаточную подготовку педагогического состава, крайне низкий уровень финансирования. Отмечалось, что ЦПШ создавались с охранительными целями, они давали только тот минимум знаний, который обеспечивал осознанное понимание учениками Закона Божия. По мнению современников, немалые суммы, которые тратились правительством на развитие сети ЦПШ, было бы уместнее направить на развитие обыкновенных начальных школ либо передать ЦПШ в ведение Министерства народного просвещения, которое могло бы рациональнее и эффективнее организовать процесс обучения, нежели Церковь<sup>1</sup>. В исторической же литературе отмечается тенденциозный характер исследований по этому вопросу, когда обильными статистическими показателями пытались прикрыть подлинное положение дел в ЦПШ<sup>2</sup>.

На сегодняшний день источниковая база по рассматриваемому вопросу, разумеется, не изменилась, поэтому приходится оперировать теми же самыми статистическими данными, но оценивая их уже с современных позиций. Предлагаемая статья основывается на данных, приведенных в “Списке церковно-приходских школ и школ грамоты, с показанием их местонахождения, времени открытия, числа учащихся, заведующих, законоучителей, учителей и учительниц и средств содержания школ”, опубликованном в Екатеринбургских епархиальных ведомостях за 1894 г.<sup>3</sup> Помимо указанных в названии списка данных, в нем была предусмотрена и графа “попечители”, но она осталась незаполненной (сведения о попечителях в ряде случаев даются в графе о средствах содержания школ). Естественно, выводы, сделанные на основе данных только за один год, не могут претендовать на большую значи-

<sup>1</sup> См.: Смолитч И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 2. М., 1997. С. 105–115.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 110.

<sup>3</sup> ЕЕВ. 1894. Особое приращение к офиц. отд. С. 1–63.

мость, но все-таки они доказывают, что оценка значения ЦПШ в системе образования Российской империи нуждается в корректировке.

В 1894 г. в Екатеринбургской епархии числилось 107 церковно-приходских школ и 145 школ грамоты, при этом мальчиков в ЦПШ обучалось 3251, девочек – 1042, в школах грамоты соответственно – 2566 и 1013. Довольно значительное преобладание численности учеников в ЦПШ представляется фактом случайным (по крайней мере, сделать какие-то выводы о закономерности этого показателя, не привлекая дополнительные материалы, невозможно). Количество учеников в различных школах колебалось весьма существенно. В церковно-приходских школах Березовского и Алапаевского заводов обучалось 120 и 125 мальчиков соответственно, а девочек не было вовсе. Возможно, эти школы были рассчитаны как раз на подготовку заводских рабочих и не принимали девочек, но в столь же многочисленных школах обучение бывало и совместным: в ЦПШ Верх-Исетского завода Екатеринбургского уезда обучались 81 мальчик и 40 девочек, в с. Щербаковском Камышловского уезда – 78 мальчиков и 32 девочки, в с. Уктус Екатеринбургского уезда – 68 мальчиков и 45 девочек, в д. Походилово Екатеринбургского уезда – 78 мальчиков и 10 девочек. Но эти школы по численности учащихся представляются все-таки исключением: чаще всего в школе обучалось несколько десятков человек. Среди же школ грамоты нет ни одной, где число учеников приближалось бы к сотне (да и среднее число учащихся в ЦПШ – 40 человек, а в школе грамоты – 24 человека). По числу учеников (там, где это отмечено) школы распределялись следующим образом:

*Таблица 1*

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ШКОЛ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ  
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЧИСЛА УЧЕНИКОВ

Тип школы	Количество учеников								
	< 20	20–29	30–39	40–49	50–59	60–79	80–99	100–119	≥ 120
ЦПШ	13	23	16	23	12	8	2	3	3
Школа грамоты	39	48	26	15	4	2	–	–	

Из табл. 1 видно, что по числу учащихся церковно-приходские школы явно превосходили школы грамоты, что может свидетельствовать о более высоком авторитете этих школ в глазах населения. Но, с другой стороны, срок обучения в таких школах был продолжительнее, ученики могли переходить из младших классов в старшие, тогда как в школах грамоты ученики быстро оканчивали учебу, и им на смену приходили новые.

Одним из факторов, от которых могла зависеть численность учащихся в школе, было время создания школы. В давно действующих школах, где результаты обучения уже можно было видеть, число учеников было выше (например, уже упоминавшаяся школа в с. Уктус была создана в 1867 г. и являлась одной из старейших в епархии, школа в Березовском заводе открылась в 1884 г., в с. Щербаковском – в 1889 г.). Школа в д. Походилово открылась в 1891 г., а в Верх-Исетском заводе – в 1893 г., но обращает на себя внимание тот факт, что эти школы были сравнительно хорошо обеспечены в материальном плане, что могло существенно сказаться на качестве преподавания. Что же касается времени создания школ вообще, то лишь единицы из церковно-приходских школ и школ грамоты были открыты в 1860–1870-х гг., с середины же 1880-х гг. наблюдается значительный рост числа школ. Этот факт объясняется тем, что в 1884 г. издаются “Правила о церковно-приходских школах”, после чего их создание получило необходимую юридическую основу и перестало быть делом местных энтузиастов. А созданный Святейшим Синодом в январе 1885 г. Духовно-училищный совет стал заниматься планомерным насаждением церковно-приходских школ по всей стране.

Таблица 2

Численность школ Екатеринбургской епархии

Дата открытия школы	Количество	
	ЦПШ	школ грамоты
1885	6	6
1886	10	5
1887	16	4
1888	25	12
1889	14	13
1890	7	10
1891	12	23
1892	4	32
1893	3	19
1894	1	1

Из табл. 2 видно, что во второй половине 1880-х гг. рост численности ЦПШ опережал рост численности школ грамоты, тогда как с начала 1890-х гг. именно школы грамоты дают основной прирост численности школ. Объяснить эти показатели можно тем, что на создании школ (по крайней мере, церковно-приходских) настаивали власти, так что на местах вынуждены были подчиняться приказаниям свыше, но впоследствии предпочтение стали отдавать школам грамоты как более простому варианту, менее обременитель-

ному для духовенства и требующему меньших материальных затрат. На рост числа школ грамоты могло оказать влияние и то, что именно им предпочитали оказывать помощь земства. Исходя из этих данных, можно сказать, что на местах правительственная политика подверглась значительным изменениям, ведь целью создания ЦПШ было привлечение населения к Церкви, даже эже – к каждому конкретному приходскому храму<sup>4</sup>. На практике же оказалось целесообразнее открывать небольшие школы грамоты, которые, конечно, тоже были связаны с приходом, но не столь прочно, а непродолжительность обучения в них обеспечивалась гораздо меньшим вниманием, уделяемым религиозному образованию.

Не предоставили сведений об источниках содержания 7 ЦПШ и 23 школы грамоты. Церковь материально принимала участие в содержании школ в 102 случаях: 68 ЦПШ и 34 школы грамоты (средства на наем помещения, на жалование преподавателям, отопление, письменные и иные школьные принадлежности). В одном случае средства предоставлялись школе консисторией (в с. Шарташ Екатеринбургского уезда). Четыре школы грамоты Камышловского уезда получили деньги (три – по 30 руб., одна – 50 руб.) “от отделения”, т. е. от организации, занимающейся устройством подобных школ. Одним из основных жертвователей на школы было Братство Св. Симеона Верхотурского. Оно обеспечивало субсидиями 39 ЦПШ и 13 школ грамоты. Сравниться с ним могли только земства, которые помогали 12 ЦПШ и 40 школам грамоты. Попечительства обеспечивали финансовую помощь 15 ЦПШ и 14 школам грамоты, кроме того, отдельные попечители оказали помощь 12 ЦПШ и 3 школам грамоты (ЦПШ в Верх-Исетском заводе полностью содержалась на средства попечителя Фотиева, который предоставил и помещение). Частные пожертвования в 1894 г. получили 16 ЦПШ и 17 школ грамоты. Община вносила средства на поддержание 14 ЦПШ и 27 школ грамоты (давала деньги на наем помещения, отопление, наем сторожа и т. д.). Две школы г. Шадринска получили по 112 руб. “от города”. Четыре школы грамоты в вогульских деревнях Верхотурского уезда получили от Комитета Миссионерского общества 300, 158, 244 и 260 руб. (эти школы пользовались общественными помещениями и больше никаких источников финансирования не имели, но содержание их можно считать одним из лучших). Две ЦПШ и одна школа грамоты получали деньги за счет диаконского жалования (церкви могли не иметь диакона на штатном месте, а часть причитавшихся ему по штатному расписанию денег передавать школам). В той или иной степени оплачивали свое обучение ученики 11 школ. О реальных расходах на содержание школы можно судить по тому, что в школе грамоты Березовского заво-

---

<sup>4</sup> См.: Смолич И. К. История Русской Церкви. С. 105.

да Екатеринбургского уезда ученики платили за обучение по 50 коп. в месяц, тогда как помещение было частным, т. е. на него деньги не тратились. В школе обучалось 20 человек, так что 10 руб. в месяц хватало на жалованье учительнице, на школьные принадлежности и, возможно, отопление. Школа в Березовском заводе существовала с 1876 г., и, если за это время она не прекратила своего существования, значит, положение ее (в том числе и материальное) может считаться удовлетворительным. Вероятно, учительское жалованье при этом составляло основную долю расходов, но установить его точную сумму невозможно: размеры жалованья указываются редко. В школе грамоты Березовского завода жалованье, видимо, близко к тому, какое выплачивалось Братством учителю церковно-приходской школы этого же завода – 120 руб. Вообще же, размеры жалованья колеблются очень значительно: в с. Кисловском Екатеринбургского уезда то же Братство Св. Симеона выплачивало учителю 30 руб. в год (кроме того, церковно-приходское попечительство выделило на школу 18 руб. 35 коп. – это все отпущенные на школу деньги за год; помещение она получила от общины). Незначительность расходов на школьные принадлежности объясняется тем, что учебниками и учебными пособиями церковные школы епархии снабжались бесплатно “на средства Братства Св. Прав. Симеона и в счет суммы, ежегодно ассигнуемой на сей предмет Святейшим Синодом”<sup>5</sup>. Но даже учитывая это, трудно понять, как могла существовать школа, все средства на содержание которой за год составили: от общества – 3 руб., от церкви – 4 руб., от благотворителей – 3 руб. (д. Прищановская Камышловского уезда). Вероятно, учительница здесь не получала вообще ничего, а подобные “средства содержания” показаны далеко не у одной школы. Так что средства, выделяемые на создание народных школ, сколь бы значительными они ни казались<sup>6</sup>, доходя до конкретных школ, превращались в совершенно ничтожные суммы, поэтому без общественной поддержки школы существовать не могли бы.

Обращает на себя внимание то, что земства предпочитали оказывать материальную помощь школам грамоты, а церковь в основном помогала церковно-приходским школам, но говорить о полном равнодушии земств к ЦПШ, в чем их обвиняла церковная публицистика, все-таки не приходится. Видимо, земства привлекала бульшая практичность программы школ грамоты. Здесь вполне могли бы сойтись интересы земств и Церкви, которая, как видно, также приходит к выводу о предпочтительности создания школ грамоты, но более четкого выражения эта тенденция получить не успела.

Не для всех школ указано, в каком помещении они располагаются. Чаще всего помещение предоставлено церковью или монастырем (49 школ),

<sup>5</sup> ЕЕВ. 1894. С. 63.

<sup>6</sup> См.: Слюнич И. К. История Русской Церкви. С. 109.

а также общиной (70 школ), в одном случае – церковью и общиной совместно, в одном – совместно церковью и попечителем. Возможно, что в ряде случаев, когда указано, что помещение “наемное” (17 школ) или “частнонаемное” (14 школ), “в частном помещении” (2 школы), средства на наем были также предоставлены общиной или церковью, как и в 12 случаях, когда указано, что помещение у школы “собственное” (так, в д. Горки Стриганского прихода Ирбитского уезда помещение “собственное”, но указано, что деньги на строительство получены “от общества 125 руб. и от попечителя 50 руб.”). В четырех случаях дети обучались на дому у священнослужителей, в одном – у учительницы. В четырех случаях помещение было предоставлено попечительством, еще в четырех – попечителем. В дар получено 8 школьных помещений, и только 8 школ нанимали помещение за счет средств родителей учащихся. Подобная статистика указывает на то, что крестьянство все-таки признавало необходимость существования начальных школ подобного уровня, и, даже если не все крестьяне отдавали туда своих детей, общественная польза ЦПШ под сомнение не ставилась.

Принимали участие в обучении (помимо преподавания Закона Божия) священноцерковнослужители в 70 ЦПШ и 35 школах грамоты, выходцы из семей духовенства – в 23 ЦПШ и 12 школах грамоты. Представители других сословий работали в 30 ЦПШ, 84 школах грамоты. Нет сведений о преподавателях в одной ЦПШ и 15 школах грамоты.

Заведующими школами и законоучителями были священнослужители (священники и диакона). В школах грамоты законоучители большой роли не играли: зачастую в ведомости даже не указываются их имена, в соответствующей графе стоит запись “Местный священник”. Это также косвенно свидетельствует о том, что даже епархиальные власти видели задачу школ не столько в религиозном воспитании, сколько в распространении грамотности среди народа. Только в трех школах грамоты, получавших содержание от Миссионерского общества, преподавали Закон Божий миряне, причем в одном случае (в школе д. Лопаревой) официально значилась “законоучительницей” женщина – А. П. Холмогорова. Это тем более странно, что школа была основана с миссионерскими целями, и учительница получала годовое жалованье в 300 руб. (самая крупная сумма среди тех, которые получали школы от Миссионерского общества, причем только в этом случае было оговорено, что все деньги идут на жалованье). Возможно, считалось, что миряне на этой должности будут вызывать меньше недоверия и предубежденности у местного населения.

В школах работали обыкновенно те женщины, которые на данный момент не состояли в браке (еще не вышли замуж или овдовели). Семьи духовенства в этом отношении представляли собой некоторое исключение. В

пяти случаях преподавателям-священнослужителям помогали их жены. Кроме того, среди учительниц числятся: одна вдова, одна сестра священнослужителей и 19 дочерей представителей духовенства (8 из них работали вместе со своими отцами). Среди учителей значатся также 9 сыновей священнослужителей, но только у одного – диаконского сына И. Н. Медякова – отмечено в ведомости наличие “свидетельства на звание учителя”, т. е. для него эта работа не была случайной (он был и законоучителем – единственный случай в церковно-приходской школе, но это все-таки некоторый компромисс: не священнослужитель, но из духовной семьи и, скорее всего, выпускник духовного учебного заведения). Остальные вполне могли быть выпускниками семинарии, еще не женившимися и не получившими места на приходе: в законодательстве особо подчеркивалось, что именно они должны занимать места учителей церковно-приходских школ. То, что трое из них работают в школах, которыми заведуют их отцы, является косвенным свидетельством их положения: скорее всего они живут с родителями, но вряд ли это малолетки, которым самим еще надо продолжать обучение; значит, у них еще нет своей собственной семьи, без которой они не могут быть рукоположены.

Большой интерес представляет работа в школе женщин из семей духовенства. То, что почти половина из них служит вместе с отцами, является показателем не только их зависимости от семьи, но и того, что к этому времени духовенство начинает воспринимать заботу о народном образовании не просто как свою сословную, но даже как семейную обязанность (плохое финансовое обеспечение большинства школ не дает оснований предполагать, что к работе в школе побуждали соображения материальной выгоды). Это подтверждает и тот факт, что в школе работают и жены представителей духовенства. Считалось, что только те женщины, у кого нет мужа, могут работать для собственного обеспечения (принятое обращение к служащей женщине “барышня” – это не комплимент, а констатация ее реального семейного положения). Впрочем в начальной школе было не до условностей, поэтому среди учительниц числятся: одна жена чиновника – Елисавета Нордстрем в школе Мостовского прииска Екатеринбургского уезда – и одна крестьянская жена. Но среди 84 учительниц, не принадлежавших к семьям духовенства, могли быть и другие замужние. Социальное положение указано только для некоторых: 18 принадлежали к крестьянству (одна жена и 17 дочерей) две – к мещанству, одна была солдатской дочерью. Только у двоих отмечено, что они имеют свидетельство учительницы, а одна обучалась в епархиальном училище. Вполне возможно, что недостаток лиц с должным образованием заставлял обращаться за помощью ко всем, кто мог бы заниматься обучением. При этом мужчин-мирян в школах служило гораздо меньше, чем женщин, – 34, из них 10 крестьян. Таким образом, среди учителей, не принадлежавших

к духовному сословию, женщины составляли 71,2 %, а мужчины – лишь 28,8 %; к крестьянству принадлежало 23,7 % учителей-мирян (духовенство из этих подсчетов исключено, поскольку для него работа в начальной школе во многом была обязанностью). Подобный состав учителей свидетельствует о том, что на высокий уровень преподавания в ЦПШ и школах грамоты рассчитывать особо не приходилось и, с другой стороны, что крестьянство было заинтересовано в работе этих школ.

В целом, анализ данных о состоянии церковно-приходских школ Екатеринбургской епархии за 1894 г. свидетельствует о том, что в общественной жизни роль этих школ была не так уж мала, прежде всего в их развитии было заинтересовано крестьянство и Церковь, но и земства начинают уделять им внимание, что могло бы в дальнейшем способствовать повышению качества обучения. В материальном отношении школы обеспечивались очень неравномерно, но учителя даже для самых бедных из этих школ все-таки находились, что говорит об определенных надеждах, которые эти школы внушали обществу, в том числе и образованному. Предварительные выводы показывают, что система церковно-приходских школ должна быть изучена гораздо тщательнее и что их место как в системе образования, так и в общественной жизни должно быть оценено заново.